

Г. Т. Богатырёв*

МЕНОВАЯ ТЕОРИЯ Е. Б. ПАШУКАНИСА: ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Е. Б. Пашуканис известен, в первую очередь, как радикальный марксист и автор меновой теории права. Однако за рамками современной научной критики остается его вклад в развитие идей социологической позитивистской школы права. В своей теории Пашуканис соединил марксистские и немарксистские подходы к пониманию права. Однако, в отличие от своих коллег, он не попытался примирить их, а, напротив, столкнул друг с другом. Получившуюся коллизию Пашуканис разрешает в пользу социолого-позитивистского подхода к праву. К такому выводу можно прийти, анализируя его критику некоторых основных юридических понятий: нормы права, субъекта права и правонарушения. Стремясь свести феномен права к процессу экономического обмена, Пашуканис провел границу между правом и экономикой, имплицитно утвердив автономию права. Это обстоятельство воспрепятствовало дальнейшей разработке марксистских оснований его теории. Для современных юристов парадоксы меновой теории Пашуканиса могут стать источником аргументов в пользу автономии права по отношению к экономике, а также в пользу примата содержания общественных отношений над формой.

Ключевые слова: меновая теория права, социологический позитивизм, марксизм, советское право

Для цитирования: Богатырёв Г. Т. Меновая теория Е. Б. Пашуканиса: философско-теоретические основания // Российский юридический журнал. 2021. № 5. С. 37–46. DOI: 10.34076/20713797_2021_5_37.

Евгений Брониславович Пашуканис родился в 1891 г. в г. Старица Тверской губернии в семье земского врача, получил образование сначала на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, а затем в Мюнхенском университете. В 1922 г. он вместе с Петром Стучкой организовал в Коммунистической академии секцию общей теории права и государства, а в 1927 г. стал членом Комакадемии. В 1937 г. он был арестован и казнен по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Полностью реабилитирован в 1956 г.¹

---

* Богатырёв Георгий Тимурович – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный экономист в Департаменте управления данными Банка России (Москва), ORCID: 0000-0003-2553-3092, e-mail: gtbogatyrev@gmail.com.

¹ Москва, Покровский бульвар, 14/5 // Фонд «Последний адрес». 2016. 9 окт. URL: <https://www.poslednyadres.ru/news/news288.htm> (дата обращения: 30.11.2021).

Пашуканису довелось работать в наиболее тревожное для российского общества время. Несмотря на это, его перу принадлежит свыше ста работ по общей теории права, международному и государственному праву. Уже во второй половине XX в. основные его работы были переведены на английский язык¹. В зарубежной литературе Пашуканиса чаще всего цитируют специалисты по отраслевым юридическим наукам, в частности международному и уголовному праву².

В России, однако, он известен, в первую очередь, как автор меновой теории права, основанной на марксистском анализе. Исследователей творчества Пашуканиса по всему миру привлекают его радикальные воззрения на философию права, которые сопоставляются с иными правовыми учениями, будь то естественное право, неопозитивизм или нормативизм. С этих позиций творчество Пашуканиса описывал Б. Бауринг (*B. Bowring*)³. Д. Суэйн (*D. Swain*) сравнивал взгляды Пашуканиса на справедливость с теорией справедливости Джона Роулза⁴. В России наибольшую известность приобрел критический анализ меновой теории права, проведенный В. Нерсесянцем⁵. Нерсесянец обращался к главным марксистским тезисам Пашуканиса и сравнивал их с собственной либертарно-юридической теорией.

Почему исследователей привлекают воззрения Пашуканиса? Дело вряд ли в самой марксистской аргументации – ей в том или ином виде пользовались все советские юристы. Удобными для критики могли бы стать и прокоммунистические лозунги в его работах, однако и эта черта не была уникальной. Полагаем, его секрет в том, что, не отказываясь от коммунистической идеологии, Пашуканис в неявном виде подверг критике марксистские взгляды на государство и право. Этот аспект его аргументации обычно связывают с социологическим направлением юриспруденции конца XIX – первой трети XX в. Сравнению его марксистских и социологических воззрений на право в науке уделялось мало внимания. Исключением здесь является диссертация В. Н. Жукова, в которой автор описал интеллектуальный инструментарий всех основных российских юристов-позитивистов до- и послереволюционной России⁶.

Задача настоящей работы – показать связь марксистских и социологических оснований меновой теории права Пашуканиса, а также определить границу, которую сам автор проводит между двумя этими направлениями. Это будет сделано на материале его критики юридических понятий права, нормы, субъекта и правонарушения, представленной в монографии «Общая теория права и марксизм»⁷. Наибольшее внимание будет уделено тому, как марксистская аргументация в его работе переплетается с немарксистской, какие утверждения для Пашуканиса были лозунгами, а какие он дедуцировал с опорой на логические и исторические аргументы.

¹ См., например: Pashukanis: Selected Writings on Marxism and Law / eds. P. Beirne, R. Sharlet. L.; N. Y.: Academic Press, 1980.

² См., например: Ramsay P. Towards a Critique of the Vulnerable Subject: Pashukanis and Public Protection: LSE Legal Studies Working Paper No. 23/2013, Nov. 13, 2013. URL: <https://ssrn.com/abstract=2343538> (дата обращения: 30.11.2021); Georgoulas S. Crime and Law After Soviet Revolution. The Case of Pashukanis // Eastern Academic Journal. 2019. № 3. P. 1–5.

³ Bowring B. The trajectory of Yevgeniy Pashukanis, and the struggle for power in Soviet law // Law, Rights and Ideology in Russia: Landmarks in the Destiny of a Great Power. Abington: Routledge, 2013.

⁴ Swain D. Justice as Fetish – Marx, Pashukanis, and the Form of Justice // Contradictions: A Journal for Critical Thought. 2018. № 2. P. 13–31.

⁵ Нерсесянц В. С. Философия права: учеб. для вузов. М.: Инфра-М : Норма, 1997.

⁶ Жуков В. Н. Социология права в России: вторая половина XIX – первая треть XX в. (теоретико-методологический аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.

⁷ Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. 3-е изд. М.: Изд-во Ком. Акад., 1929.

Основным научным течением советской правовой науки 1920-х гг. стало так называемое новое право. Оно должно было представлять собой нечто принципиально отличное от известного в западной традиции понятия права. Критикуя «старый порядок», советские юристы создавали советское право как феномен. Пашуканис здесь не был исключением.

Норма права является одним из важнейших понятий правоведения. Однако правоведы всегда спорят о том, каковы ее признаки, источники и какой должна быть форма ее выражения. Наибольшим значением норму права наделяют представители нормативистской школы: для них само право является совокупностью норм. Однако норме права всегда противостоят два других основания правопонимания, а именно ценность и отношение¹. Ценность как основание правопонимания предполагает, что право есть выражаемые им ценности: свобода, справедливость и др. При рассмотрении права как отношения важно не то, какова норма или какие цели преследуют применяющие ее люди, а только то, как люди себя ведут под влиянием имеющихся норм.

В работе «Общая теория права и марксизм» Пашуканис первым делом обращается к понятию нормы права и критикует ее именно с позиции права-отношения. Вслед за дореволюционными социологами права Пашуканис отмечает, что текст нормативного акта сам по себе является лишь произведением литературы. Не текст влияет на поведение людей, а осознание и применение этого текста как обязательного. Здесь Пашуканис оппонирует Н. И. Зиберу и даже одному из главных большевиков Н. И. Бухарину².

Аналогично Пашуканис критикует обеспеченность нормы государственным принуждением. Он утверждает, что если бы норма была общеобязательной из-за силы принуждения, то можно было бы говорить, что всякое «отношение между кредитором и должником порождается существующим в данном государстве принудительным порядком взыскания долгов»³. И хотя вопрос о природе этого отношения остается открытым, очевидно, что ответ стоит искать за пределами постановлений власти и системы принудительного исполнения.

Вместо нормы главным основанием права Пашуканис называет отношение. Он пишет: «Если известные отношения действительно сложились, значит, создалось соответствующее право, если же был только издан закон... но отношений... не возникло, значит была попытка создать право, но эта попытка не удалась...»⁴. Таким образом, он критикует юридическую догматику и теорию насилия (Гумплович), но вполне однозначно утверждает социологический подход к праву, в центре которого стоят отношения между людьми.

Содержание критических аргументов, общее направление мысли и подборка эмпирического материала у Пашуканиса обнаруживают весьма большое сходство с методом социологической позитивистской школы права⁵. В частности, утверждение о примате отношений над нормой и правосознанием характерно для теории интереса Р. Иеринга⁶ и производных от нее воззрений Н. М. Коркунова⁷

¹ Мальцев Г. В. Понимание права: подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999.

² Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. 1929. С. 49.

³ Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм // Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука. 1980. С. 81.

⁴ Там же. С. 80.

⁵ Из обзорных монографий об этом явлении см.: Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.

⁶ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб: Тип. В. Безобразова и К^о, 1875. Ч. 1.

⁷ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 7-е изд. СПб.: Н. К. Мартынов, 1907.

и С. А. Муромцева¹. Здесь впервые становится заметно расхождение взглядов Пашуканиса с ортодоксальными марксистскими взглядами. Марксистская теория ищет субстрат всей духовной жизни человека в материальных фактах бытия, однако круг этих фактов строго ограничен классовыми экономическими отношениями. Напротив, Пашуканис задает куда более широкие рамки оснований права. Это заметили еще его современники, и в ответ на их критику ученому пришлось дополнительно объявлять о своей приверженности марксистскому анализу².

Это, впрочем, не сильно повлияло на состав и логику его аргументов. Если право существует в отношениях между людьми, то каждое отношение может при определенных условиях становиться правоотношением. И если человеческие отношения не исчерпываются экономическим обменом, то и правоотношения им исчерпываться не могут.

Вместе с критикой нормы Пашуканис обращается к критике понятия субъекта права. Для этого он проводит границу между частным правом и государственными нормами и утверждает, что вся юридическая логика применяется лучшим образом именно к первому. Именно в частном праве юридическое мышление движется свободно и уверенно, только доктрина частного права имеет стройный вид: «Насколько простым, понятным и „естественным“ является „право“ кредитора получить долг, настолько же шатким и проблематичным, требующим пояснений, является, скажем, „право“ парламента вотировать бюджет»³.

В публичном праве Пашуканис видит источник всех «методологических исканий и шатаний», которые ставят под сомнение саму юриспруденцию и грозят превратить ее то в социологию, то в психологию. Непротиворечивость частного права он противопоставляет отрывочности права публичного. Только в частном праве, пишет Пашуканис, субъект права появляется во всей своей полноте, так как только здесь он явно противопоставлен объекту – вещи (товару). На этом уровне предмет юриспруденции сужается с любых отношений до гражданско-правовых.

Пашуканис последовательно ограничил пространство юриспруденции сначала отношением, а затем сферой частного права. Последним фрагментом аргументации и краеугольным камнем марксистского анализа остается ограничение частного права непосредственно экономикой. Такова была изначальная задача автора, но именно здесь его аргументация работает с точностью до наоборот.

К примеру, Пашуканис пишет, что экономическое отношение обмена должно быть налицо, чтобы возникло юридическое отношение договора (здесь автор, видимо, опирается на синаллагматическую теорию контракта). Но тут же указывает, что из такого договора юридическое отношение рождается только в момент спора: «В споре, т. е. в процессе, хозяйствующие субъекты выступают уже как стороны, т. е. участники юридической надстройки... Через судебный процесс юридическое абстрагируется от экономического и выступает как самостоятельный момент»⁴. Далее ученый замечает, что историческое римское право – это прежде всего система исков и лишь затем правила совершения договоров. Эти примеры одновременно подтверждают его точку зрения на право как отношение и опровергают равенство права и экономики. Ведь если право имеет «самостоятельный момент» и возникает не одновременно с экономическим обменом, то такое право не может быть равно обмену.

¹ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. 2-е изд., доп. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 48.

² Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. 1980. С. 97.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 85.

Пашуканис анализирует происхождение рыночной экономики и утверждает, что в древнем обществе обмен часто носил характер грабежа; регламентировать этот насильственный порядок могли только специальные отношения – право. В развитие этого тезиса он приводит в пример средневековую рыночную площадь, которая по воле феодала становилась «замыренным пространством», т. е. местом, где купцы могли свободно заключать и исполнять договоры (ярмарочный мир).

Пашуканис делает вывод, что только в момент оформления феодалом купеческой привилегии и возникает публичная власть¹. Государство, по его мнению, выступает не как сторона договора, а как гарант порядка, в котором договоры могут заключаться: «Все дальнейшее усовершенствование буржуазной государственности... можно свести к единому принципу, который гласит, что из двух обменивающихся на рынке ни один не может выступать в качестве властного регулятора... но что для этого требуется некто третий, воплощающий в себе ту взаимную гарантию... и являющийся, следовательно, олицетворенным правилом общения товаровладельцев»². Получается, что государство не является участником экономического обмена. А то право, которое оно создает, вытекает не из процесса обмена, а из абстрактных соображений договорной свободы, прагматической эффективности и т. п. Каждый раз, указывая на связь права и экономики, Пашуканис, намеренно или нет, проводит границу между ними.

Обращает на себя внимание последовательность рассуждений Пашуканиса: он всегда сначала говорит о праве и лишь затем переходит к его экономическому источнику. Другой неочевидной чертой его теории оказывается полное отсутствие примеров из области советской экономики и права. Пашуканис как будто игнорирует тот факт, что советская экономика происходила из политических приказов власти и, следовательно, не являлась господствующей сферой социального бытия. Как ни парадоксально, но способ производства товаров и услуг, с его точки зрения, утрачивает характер самостоятельного основания права.

Граница между экономикой и правом еще более заметна в рассуждениях Пашуканиса о понятии правонарушения. Его он анализирует применительно к уголовному праву. Эту отрасль Пашуканис считает наиболее юридичной из всех: «Если частное право непосредственнее всего отражает самые общие условия существования правовой формы... то уголовное право есть та сфера, где юридическое общение достигает максимальной напряженности... В судебном процессе особенно отчетливо выступает превращение действий конкретного человека в действие... юридического субъекта»³.

Пашуканис утверждает, что уголовное наказание отличается от мести именно принципом компенсации. В древнем обществе преступление-обида требовало мести, но отомстивший род сам становился обидчиком и подвергался мести со стороны представителей рода первоначального преступника. Такая вражда продолжалась из поколения в поколение. Частной войне противостоял *lex talionis*. Этот принцип прекращает частные войны, так как требует возмездия в строго равном размере и запрещает отвечать на справедливое возмездие.

Переход к *lex talionis* (в частности, в Древней Руси) Пашуканис связывает с развитием товарных отношений. Этот марксистский с виду аргумент противоречит другим положениям марксизма, а также имеющейся в работе социологической аргументации.

¹ Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. 1980. С. 129.

² Там же. С. 140.

³ Там же. С. 160.

Во-первых, Древнюю Русь Маркс отнес бы к рабовладельческому, но никак не к буржуазному строю. Это означает, что отношения эксплуатации в ней не были связаны с экономическим принуждением, а общество в целом не стремилось к построению рыночных отношений. Зачатки товарно-денежных отношений имеются и в первобытных племенах, но это отнюдь не делает их буржуазным обществом. Если утверждать иное, то буржуазными являются вообще все известные общества, в том числе советское. А значит, и буржуазное право при коммунизме оказывается неискоренимо.

Во-вторых, Пашуканис смешивает философские категории эквивалентности и равновесия с понятиями рыночной экономики. Свободный рынок как раз часто лишен эквивалентности, что порождает социальные конфликты и критику в духе «Капитала». На аристотелевскую идею уравнивающей справедливости ссылается и сам Пашуканис¹.

В-третьих, анализ целей уголовного наказания также работает против меновой теории. Пашуканис пишет: «С точки зрения древнеримского права не было ничего удивительного в том, что неисправный должник расплачивается частями своего тела... а виновный в членовредительстве отвечал своим имуществом»². Не свидетельствует ли это, напротив, об отсутствии эквивалентности? Интуитивно здесь напрашивается вывод, что в первом случае столь суровая кара должна побудить других должников вовремя исполнять свое обязательство, а во втором случае – отказаться от насилия ради сохранения гражданского мира. А что же насчет других целей наказания – общей и частной превенции, охраны общественного порядка и исправления преступника? Упоминает Пашуканис только последнее, и то в качестве меры педагогической, т. е. внеправовой. Цель исправить преступника, по его мнению, не может существовать в юридической сфере³.

Пашуканис заключает, что для реализации новейших целей защиты общества и перевоспитания преступника требуется выйти за пределы идеи эквивалентности, т. е. отказаться от правового механизма уголовной ответственности. Вместо суда и приговора должны быть экспертиза причинно-следственной связи и меры социальной защиты. Эта идея в первой трети XX в. была актуальна и далеко за пределами марксистской среды. Например, об этом писал Э. Ферри в «Уголовной социологии» (1902 г.) и говорил Ван-Гамель на Гамбургском съезде криминалистов в 1905 г. Оба источника приводит сам Пашуканис, но обходит стороной тот факт, что для обоснования своих выводов эти ученые к меновым отношениям не обращались.

Пашуканис уже явно опровергает меновую аргументацию, когда ссылается на неудавшуюся попытку заменить уголовное наказание мерами социальной защиты в советском Уголовном кодексе 1922 г. Свободного рынка тогда уже не существовало, но это не повлекло естественного отмирания теории вины в уголовном праве.

Получается, что анализ уголовного права у Пашуканиса является вполне социологическим, но ни в коей мере не экономическим. При этом проблема здесь явно не в экономической науке как таковой. Меркантилисты, либертарианцы и представители классического либерализма вполне успешно решали правовые проблемы посредством экономической аргументации. Напротив, Пашуканис, который объявляет свою приверженность Марксу, в глубине души как будто не до конца разделяет его аргументы и имплицитно их постоянно опровергает.

¹ Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. 1980. С. 161.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 171.

Итак, позиция Пашуканиса содержит фундаментальную коллизию марксистского и буржуазно-социологического оснований права. В риторике Пашуканис придерживается марксистской линии, но фактически применяет буржуазно-социологический подход к праву. Единственно возможным правом для Пашуканиса является право-отношение. Предметом права выступают отношения, главным образом из области частного права. Неимущественные вопросы, например личного статуса, вторичны по отношению к имущественному обороту. Субъект права является субъектом лишь в той мере, в какой это отличает его от объекта-товара и позволяет свободно распоряжаться этим объектом.

Указанные идеи не были новы для науки буржуазного права. В Европе их высказывали Л. Дюги, Р. Иеринг, Г. Канторович, О. Конт и Е. Эрлих; в России – Н. М. Коркунов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев и Л. И. Петражицкий. В чем же вклад Пашуканиса в философию права? Полагаем, в том, что Пашуканис наглядно показал различие между экономикой и правом, столкнув марксизм и буржуазную социологию в единой системе координат.

Марксизм известен как философское и экономическое учение и не содержал развернутой правовой доктрины. В работах «К критике гегелевской философии права» (1843) и «Манифест коммунистической партии» (1848) можно усмотреть некоторые основания философии права, но не ее саму. О праве Маркс высказывается даже лаконичнее, чем о других надстроечных явлениях, скажем, государстве или культуре. Ясно, что право связано с классовыми отношениями и исчезнет вместе с отмиранием классов. Но что конкретно исчезнет и в каком порядке – вопрос открытый.

Ответить на этот вопрос и предстояло первым советским теоретикам права. Для восполнения пробелов марксизма Пашуканис воспользовался наработками наиболее прогрессивного на тот момент течения – социологического позитивизма. Выбор вполне естественный, так как эта школа права была наиболее близка к марксизму: у них были общие основания позитивистской философии и материалистической методологии. Имелись и различия – прежде всего в круге анализируемых явлений и их оценке. Многие ученые-марксисты стремились эти различия примирить. За неприятие революции их в литературе называли «легальными марксистами» (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве и С. Л. Франк). Буржуазную науку отрицали «радикальные марксисты», к числу которых принадлежали юристы-большевики. Для этого они анализировали те положения марксизма, к которым не обращались другие авторы. В частности, об антагонизме классовой борьбы и пролетарской революции.

Юристу-большевику не оставалось простора в выборе научного метода. Он должен был быть позитивистским, марксистским и обязательно ставить во главу угла пролетарскую революцию. И так делал каждый советский теоретик права в 1920-е гг. Чаще всего предметом исследования становились явления надстроечные. К примеру, П. И. Стучка говорил о праве – продукте деятельности господствующего класса, а М. А. Рейснер писал о психологическом переживании права, за что получил прозвище «Красный Петражицкий».

Но только Пашуканис решился на рассуждения о праве в плоскости базиса, т. е. с опорой на центральные экономические аргументы Маркса. Сравнивая экономические и правовые законы, Пашуканис прочертил границу между ними. Экономическое отношение возникает в момент обмена благами, а правовое – в момент спора. Публичная власть вырастает из частной в момент, когда феодал становится регулятором отношений купцов. Уголовное право возникает в момент, когда частная война заменяется *lex talionis*.

С точки зрения гегелевской диалектики позитивистская теория права является тезисом, а меновая теория Пашуканиса – антитезисом. Их взаимодействие позволило создать (синтезировать) новые теории права в духе неопозитивизма 1940–1960-х гг. Новые теории учитывали критику марксистов, но строже относились к логической чистоте и релевантности доказательств. Такой переход нельзя назвать научной революцией, однако вполне уместно говорить о появлении у «старого» позитивизма новых вспомогательных аргументов. Марксистский анализ Пашуканиса стал частью «защитного пояса» аргументов вокруг ядра неопозитивистской теории права.

Основная для Пашуканиса идея построения понятия права и институтов позитивного права вокруг экономических законов сегодня является почти мейн-стримом. Ярче всех это показала американская традиция «права и экономики»¹. Американский экономический анализ права сегодня достаточно освоен российской наукой. Но советские и дореволюционные его предтечи остаются за рамками юридической методологии, гражданского и предпринимательского права. С одной стороны, это объясняется тем, что Пашуканис и его советские коллеги не предлагали развитого понятийного аппарата и не опирались на количественные методы. С другой стороны, доверие к их работам сильно подрывала коммунистическая направленность², из-за которой даже верные по сути доводы становились объектом недобросовестной интерпретации.

Однако к оценке творческого наследия Пашуканиса может быть применен и другой подход. Многие положения его теории способны повлиять на современную российскую правовую систему.

Во-первых, его утверждение о том, что публичная власть должна регулировать общественные отношения, но сама не участвовать в них, задает весьма строгую конституционную рамку государственных полномочий. Отсюда становится возможным расширительное толкование ст. 15 и 46 Конституции РФ. Например, прямое действие конституции и законов (ч. 1 ст. 15) можно толковать в качестве запрета установления специальных прав и обязанностей органов публичной власти, кроме как по вопросам регулирования и надзора за его соблюдением.

Во-вторых, довод Пашуканиса о том, что всякая ответственность должна быть экономически обоснована и целесообразна, изменяет концепцию уголовного наказания. В частности, можно будет уточнить закрепленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели наказания. Абстрактное восстановление социальной справедливости следует заменить восстановлением имущественных и личных неимущественных прав жертв преступления. Исправление осужденного должно пониматься как создание достаточных стимулов и возможностей для восстановления прав. Наконец, последовательная и неотвратимая компенсация устраняет условия для совершения новых преступлений, обеспечивая тем самым их предупреждение.

Таким образом, многие социологические предпосылки в работах Пашуканиса не устарели за прошедшие сто лет и могут стать плодотворной почвой для методологов и философов права.

Список литературы

Жуков В. Н. Социология права в России: вторая половина XIX – первая треть XX в. (теоретико-методологический аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 367 с.

¹ Познер Р. А. Рубежи теории права / пер. с англ. И. В. Кушнарево; под ред. М. И. Одинцовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. О традиции «права и экономики» см.: Там же. С. 37–156.

² Подробнее об идеологических ограничениях советского права см.: Кодан С. В. Идеологические ограничения в формировании и развитии советского социалистического права: основания, механизмы, формы, инструменты // Юридическая техника. 2018. № 12.

- Зорькин В. Д.* Позитивистская теория права в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 270 с.
- Иеринг Р.* Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1875. Ч. 1. 321 с.
- Кодан С. В.* Идеологические ограничения в формировании и развитии советского социалистического права: основания, механизмы, формы, инструменты // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 192–200.
- Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. 7-е изд. СПб.: Н. К. Мартынов, 1907. 357 с.
- Мальцев Г. В.* Понимание права: подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. 419 с.
- Муромцев С. А.* Определение и основное разделение права. 2-е изд., доп. СПб.: Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 223 с.
- Нерсесянц В. С.* Философия права: учеб. для вузов. М.: Инфра-М : Норма, 1997. 652 с.
- Пашуканис Е. Б.* Общая теория права и марксизм // *Пашуканис Е. Б.* Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука. 1980. С. 32–181.
- Пашуканис Е. Б.* Общая теория права и марксизм. 3-е изд. М.: Изд-во Ком. Акад., 1929. 136 с.
- Познер Р. А.* Рубежи теории права / пер. с англ. И. В. Кушнаревой; под ред. М. И. Одиновой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 480 с.
- Pashukanis: Selected Writings on Marxism and Law / eds. P. Beirne, R. Sharlet. L.; N. Y.: Academic Press, 1980. 389 p.*
- Bowring B.* The trajectory of Yevgeniy Pashukanis, and the struggle for power in Soviet law // *Law, Rights and Ideology in Russia: Landmarks in the Destiny of a Great Power.* Abington: Routledge, 2013. P. 48–76.
- Georgoulas S.* Crime and Law After Soviet Revolution. The Case of Pashukanis // *Eastern Academic Journal.* 2019. № 3. P. 1–5.
- Ramsay P.* Towards a Critique of the Vulnerable Subject: Pashukanis and Public Protection: LSE Legal Studies Working Paper No. 23/2013, Nov. 13, 2013. URL: <https://ssrn.com/abstract=2343538> (дата обращения: 30.11.2021).
- Swain D.* Justice as Fetish – Marx, Pashukanis, and the Form of Justice // *Contradictions: A Journal for Critical Thought.* 2018. № 2. P. 13–31.

UDC 340

DOI: 10.34076/20713797_2021_5_37

THE EXCHANGE THEORY OF E. PASHUKANIS: PHILOSOPHICAL AND THEORETICAL FOUNDATIONS

Bogatyrev Georgy – post-graduate, HSE University, chief economist, Data Management Department of the Bank of Russia (Moscow), ORCID: 0000-0003-2553-3092, e-mail: bogatyrevgt@cbr.ru.

E. Pashukanis is known primarily as a radical Marxist and an author of the exchange theory of law. However, his contribution to the development of the ideas of the sociological positivist school of law is not given proper attention in modern doctrine. In his theory, Pashukanis combined Marxist and «bourgeois» approaches to law. However, unlike his colleagues, he did not try to reconcile these approaches, but, on the contrary, pushed them against each other. Pashukanis resolved the resulting conflict in favour of a sociological and positivist approach to law. This conclusion can be made on the basis of his critique of some key legal concepts: a legal norm, a subject of law, and an offence. Trying to reduce the phenomenon of law to the process of economic exchange, Pashukanis drew a line between law and economics and implicitly affirmed the autonomy of law. This circumstance prevented the further development of the Marxist foundations of his theory. The par-

adoxes of Pashukanis' exchange theory can become for modern lawyers a source of arguments in favour of the autonomy of law in relation to economics, as well as in favour of the primacy of the content of social relations over their form.

Key words: exchange theory of law, sociological positivism, Marxism, socialist law

For citation: Bogatyrev G. (2021) The exchange theory of E. Pashukanis: philosophical and theoretical foundations. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 5, pp. 37–46, DOI: 10.34076/20713797_2021_5_37.

References

Beirne P., Shalet R. (Eds.) (1980) *Pashukanis: Selected Writings on Marxism and Law*. London, New York, Academic Press, 389 p.

Bowring B. (2013) The trajectory of Yevgeniy Pashukanis, and the struggle for power in Soviet law. In *Law, Rights and Ideology in Russia: Landmarks in the Destiny of a Great Power*. Abington, Routledge, pp. 48–76.

Georgoulas S. (2019) Crime and Law After Soviet Revolution. The Case of Pashukanis. In *Eastern Academic Journal*, no. 3, pp. 1–5.

Ihering R. (1875) *Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupenyakh ego razvitiya* [The spirit of Roman law at various stages of its development]. Saint Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i Ko, 321 p.

Kodan S. V. (2018) Ideologicheskie ogranicheniya v formirovani i razviti sovetskogo sotsialisticheskogo prava: osnovaniya, mekhanizmy, formy, instrument [Ideological restrictions in the formation and development of Soviet socialist law: foundations, mechanisms, forms, tools]. *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 12, pp. 192–200.

Korkunov N. M. (1907) *Lektsii po obshchei teorii prava* [Lectures on the general theory of law]. 7th ed. Saint Petersburg, N. K. Martynov, 357 p.

Mal'tsev G. V. (1999) *Ponimanie prava: podkhody i problem* [Understanding of law: approaches and problems]. Moscow, Prometei, 419 p.

Muromtsev S. A. (2004) *Opreделение i osnovnoe razdelenie prava* [Definition and basic division of law], 2nd ed. Saint Petersburg, Izdatel'skii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 223 p.

Nersesyants V. S. (1997) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Infra-M : Norma, 652 p.

Pashukanis E. B. (1929) *Obshchaya teoriya prava i marksizm* [General theory of law and Marxism], 3rd ed. Moscow, Izdatel'stvo Kommunisticheskoi Akademii, 136 p.

Pashukanis E. B. (1980) *Obshchaya teoriya prava i marksizm* [General theory of law and Marxism]. In Pashukanis E. B. *Izbrannye proizvedeniya po obshchei teorii prava i gosudarstva*. Moscow, Nauka, pp. 32–181.

Pozner R. A. (2017) *Rubezhi teorii prava* [The frontiers of the theory of law], transl. from Eng. by I. V. Kushnareva, ed. by M. I. Odintsova. Moscow, Izdatel'skii dom Vyshei shkoly ekonomiki, 480 p.

Ramsay P. (2013) Towards a Critique of the Vulnerable Subject: Pashukanis and Public Protection: LSE Legal Studies Working Paper No. 23/2013, Nov. 13, available at: <https://ssrn.com/abstract=2343538> (accessed: 30.11.2021).

Swain D. (2018) Justice as Fetish – Marx, Pashukanis, and the Form of Justice. In *Contradictions: A Journal for Critical Thought*, no. 2, pp. 13–31.

Zhukov V. N. (2015) *Sotsiologiya prava v Rossii: vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX v. (teoretiko-metodologicheskii aspekt): dis. ... d-ra yurid. nauk* [Sociology of law in Russia: the second half of the XIX – the first third of the XX century (theoretical and methodological aspect): a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, 367 p.

Zorkin V. D. (1978) *Pozitivistskaya teoriya prava v Rossii* [Positivist theory of law in Russia]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 270 p.